

ЕВГЕНИЙ АРЬЕ: *Кучьгур, - 2006. - 30 нояб. - 6 дек* Движение на "мосту" *с. 15* должно быть двусторонним

Ровно 15 лет назад известный режиссер Евгений АРЬЕ вместе с группой российских актеров создал в Израиле Театр "Гешер" ("Мост"), за которым прочно утвердилась слава одного из лучших театров страны. "Гешер" хорошо известен и в России: в 2003 году состоялись его успешные гастроли в Москве, а в 2005-м спектакль "Шоша" участвовал в фестивале "Черешневый лес". Евгений Арье подводит некоторые итоги и рассказывает о тенденциях репертуарной политики своего театра и связях с Россией.

— Какое движение происходит сегодня на "Мосту"?

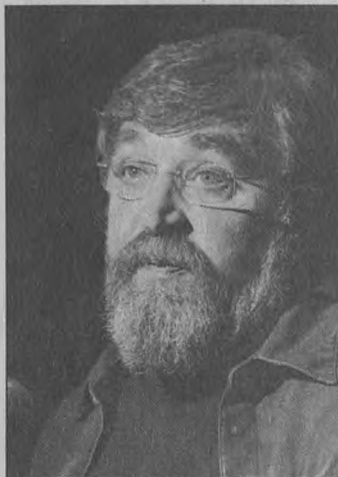
— С самого начала я имел в виду, что движение должно быть двусторонним. Но 15 лет назад характер этого движения мы представляли себе, мягко говоря, не очень точно. Вот пример. Нам казалось, что в стране, где огромное число выходцев из России, люди должны знать русские песни и романсы, — и сделали спектакль "Вариации для театра и оркестра". Но выяснилось, что популярнейшая в России "Молитва Франсуа Вийона". Ожиджавы для здешней публики стала просто открытием!.. С русской классикой ситуация еще сложнее: многие знали имена русских писателей, помнили какие-то названия, — хотя, например, Островского не знали абсолютно, — но при этом подавляющее большинство вряд ли могло сказать, что конкретно за этими названиями стоит. Включая пьесы Чехова!.. Публика в Израиле вообще сложная: здесь ведь живут выходцы не только из России, но из Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, где культурные традиции во многом совершенно иные. Кроме того, как и во всем мире, есть люди религиозные и есть светские, есть более образованные и менее образованные, поколение 60-летних отличается от 40-летних, а они решительно отличаются от тех, кто совсем молод. Плюс влияние общекультурное и собственно театральнокультурное: долгие годы здешние театры следовали российским традициям начала века, затем было сильное влияние немецкого театра, потом пришло американское, и, наконец, как я надеюсь, уже и мы, представители русского психологического театра, вот уже 15 лет оказываем на нашу публику существенное влияние. Поэтому я до сих пор не могу сказать, что знаю и точно понимаю, какая в этом смысле должна быть стратегия театра...

— Однако ваш театр очень популярен: на всех спектаклях залы полны. Ваших артистов знают, любят...

— Да, ходят на артистов — на Евгению Додину, на Александра Демидова, знают Леонида Каневского, Наталью Войтулевич-Манор, многих других. Но ходят и на Театр "Гешер"!

— И на спектакли режиссера Арье...

— И все же формирование репертуара для нас каждый раз задача со многими неизвестными. Например, "Идиот", который мы поставили в первые годы существования театра, имел огромный успех, а спектакль по "Бесприданнице" Островского — мы называли его "Река" — публика не поняла... Еще одна сложность: здешний зритель практически не воспринимает



Е. Арье

ет никаких режиссерских изысков: глубинных ассоциаций, сложных трактовок и так далее. Чуть-чуть некое усложнение театрального языка, и у элитарной части публики будет успех, но широкий зритель такого спектакля не примет.

— Тем не менее, кроме Достоевского и Островского, вы поставили "Три сестры" Чехова, "На дне" Горького, а юбилейный сезон открыли опять-таки Чеховым. И ваш "Вишневый сад" получился спектаклем истинно русским — тонким, изящным, умным...

— Я думал, что может быть интересно людям, столь далеким от той жизни, которую описывает Чехов? Что может их "зацепить", если снять этот примитивный социологический слой — "уходящее поколение", исчезающая усадьба, — который в буквальном виде никому здесь не интересен? Нужно же что-то иное — касающееся взаимоотношений человека со временем, с жизнью вообще, со смертью вообще, с осмысленностью того, что с ним происходит, или с абсолютной нелепостью того, что он делает... Но вот в начале спектакля я ввожу представление героев, то есть, с одной стороны, ставлю перед собой задачу вполне творческую — снять эту пресловутую четвертую стену, создать чуть более интимный и открытый контакт со зрителем.

— А движение в обратную сторону?

— Опять начну с "мелочи": "Гешер" создавали представители исключительно русской театральной культу-

ры. А сейчас уже половина нашего актерского состава состоит из людей, которые родились в Израиле. И они играют на русском, точно так же, как артисты, приехавшие из России, играют на иврите. Поэтому разделять движение по нашему "мосту" на составляющие — это "сюда", а вот это исключительно "обратно" — совершенно неправильно. Есть постоянное встречное движение. Много лет назад мы поставили спектакль по роману известного израильского писателя Йорома Канюка "Адам — сын собаки", а пьесу по этому роману написал известный российский драматург Александр Червинский, — это движение в какую сторону?.. Или сравнительно недавний спектакль по роману еврейского писателя Исаака Башевиса-Зингера "Раб", о котором московские критики писали, что он поставлен в традициях русского психологического театра, — а это в какую?.. Есть вопрос не менее важный — особенно когда мы имеем дело с мировой классикой, с мировой современной литературой: как это делать в театре?

Когда русскую театральную традицию воспринимают как некую Мекку, приобщившимся к которой можно в каком-то смысле игнорировать все, что есть интересного в Европе и мире, — это очень опасно. Русская театральная традиция, безусловно, важна, но есть еще и направление вот этого театра, вот этих актеров, вот этого режиссера.

— Собираетесь ли вы снова приехать в Россию?

— Связи с Россией не прерывались и не могут прерваться. Вот сейчас, буквально в эти дни, я приступил к репетициям спектакля по пьесе Григория Юрина "Тот самый Монхгаузен", думаю о пьесе Александра Вампилова... Есть связи деловые — когда приглашают театр или отдельные спектакли, и мы, конечно, едем. Есть связи, скажем так, сложные: театры Москвы приглашают меня поставить спектакль, а я до сих пор не собрался, — очень трудно оставить "Гешер"... Если случится, что "Гешер" снова окажется в Москве надеемся, на этот раз это произойдет не через 13 или даже 15 лет! — для меня это будет очень ответственным моментом.

Беседу вел
Оскар КУЗНЕЦОВ
Фото ИТАР-ТАСС



Э. Бен-Цур и Л. Каневский в сцене из спектакля "Шоша"